

Бо Цзянь сложил выговор с заявлением и вышел из комнаты активистов на первом этаже.

Комната видеонаблюдения. Дверь была приоткрыта. Бо Цзянь остановился на пороге и вежливо постучал.

Дежурный учитель обернулся:

— Бо Цзянь?

Бо Цзянь вошел и мягко улыбнулся:

— Учитель, я пришел посмотреть записи с камер.

Дежурный учитель, разумеется, отлично знал председателя студенческого совета. На прошлой неделе тот предупреждал, что придет за записями, как только завуч по воспитательной работе подпишет разрешение.

— Принес заявление? — спросил учитель.

Бо Цзянь с абсолютно невозмутимым лицом протянул листок.

Учитель бегло окинул документ взглядом и подколол разрешение к папке:

— За какой день смотреть?

По школьным правилам записи с камер хранились четыре месяца.

В WeChat у Бо Цзяня висело множество сообщений, и среди них было несколько ответов от главы информационного отдела:

«Сун Цзюнь? Я с ним не особенно близок. Познакомились в чате для Омег. Пару раз вместе обедали, да еще он как-то просил у меня ключи от комнаты активистов».

«В какой день? Э-э, дай-ка посмотрю историю переписки, это было сто лет назад».

«Четвертого июня».

«Я тот день хорошо запомнил: одолжил ему ключи, а когда он их вернул, замок у комнаты активистов был сломан. Сун Цзюнь еще до последнего отнекивался, что это не его рук дело».

Бо Цзянь едва заметно улыбнулся и произнес:

— Четвертое июня. Камера в коридоре первого этажа корпуса Сюэли, возле комнаты активистов.

В прошлом семестре камера в самой комнате активистов была сломана.

Дежурный учитель опешил:

— Июнь?

Сейчас стоял почти октябрь — выбранная дата приходилась на самые последние дни перед тем, как старые записи перезапишутся новыми.

Спустя довольно долгое время учитель, нахмурившись, всё же отыскал нужный архив.

Он поднялся со стула:

— Вот запись за весь день четвертого июня с того ракурса. Я пойду налью воды, а ты сам посмотри на ускоренной перемотке.

— Хорошо, — отозвался Бо Цзянь.

Качество видео оставляло желать лучшего: распознать человека, если ты не был с ним знаком лично или не видел раньше, было практически невозможно. Бо Цзянь промотал несколько временных отрезков.

Пока не дошел до восемнадцати часов... На этом моменте его рука замерла. Он начал отматывать назад по одной минуте.

18:22. Занятия давно закончились, в корпусе Сюэли больше никого не должно было быть.

Однако на экране появился парень, за которым шла длинноволосая девушка.

Бо Цзянь узнал в шедшем впереди Сун Цзюня, а за ним — Ни Ли.

Сун Цзюнь отпер дверь комнаты активистов, и Ни Ли вошла следом.

18:32. В кадре появился Цзян Хуай в школьной форменной куртке.

У записи не было звука. Цзян Хуай на несколько секунд замер перед дверью комнаты активистов.

Затем он поднял ногу и со всей силы врезал по двери.

Изнутри — никакой реакции.

Цзян Хуай ударил снова.

Дверь открылась. На нечетком видео не разглядеть деталей, но с вероятностью девять из десяти Цзян Хуай просто выбил её. И вошел внутрь.

В 18:41 из двери выскочил Сун Цзюнь. Его лицо было в крови. Спотыкаясь и шатаясь, он бросился прочь к выходу из учебного корпуса.

В 18:43 вышел Цзян Хуай. Форменной куртки на нем уже не было.

В 18:47 вышла Ни Ли. На ней была куртка Цзян Хуая, застегнутая до самого горла. Волосы растрепаны, а в руках она сжимала школьную рубашку... Должно быть, свою собственную — размыто видно было, что по швам ткань явно треснула.

Но если она держала свою рубашку в руках, значит, под курткой Цзян Хуая на ней больше ничего не было.

Ни Ли несколько раз пыталась прикрыть дверь комнаты активистов, но замок так и не защелкнулся. Бессильно прислонившись к стене, она медленно сползла на корточки.

Бо Цзянь закрыл видеозапись, подключил кабель и перенес этот фрагмент себе на телефон.

Дежурный учитель вернулся с водой:

— Нашел, что искал?

— Да, — улыбнулся Бо Цзянь. — Спасибо, всё посмотрел.

В кармане завибрировал телефон. Не обращая на это внимания, Бо Цзянь произнес:

— Учитель, я пойду.

Выйдя за дверь, Бо Цзянь разблокировал экран.

Пришло сообщение от Чэнь Фэнцзэ: «Мать твою, председатель, твой сосед по парте опять подрался! На этот раз ему точно крышка».

Примечание автора:

Председатель: Пока я здесь, ничего с ним не случится.

Би-Джей: С кем подрался?

Чэнь Фэнцзэ не был свидетелем драки. Он вернулся в школу только во второй половине дня, и младший ученик из дисциплинарного комитета рассказал ему, что в полдень на баскетбольной площадке произошла потасовка.

По школьным правилам за драку ученикам полагался строгий выговор с занесением в личное дело. Чтобы выдать уведомление о взыскании, требовалось присутствие самого провинившегося, завуча по воспитательной работе, классного руководителя и представителя учащихся — то есть председателя студенческого совета или кого-то из дисциплинарного комитета. Впрочем, обычно туда ходили представители дисциплинарного комитета.

Чэнь Фэнцзэ тогда мимоходом спросил, кто дрался, и младший ответил: Цзян Хуай.

В конце прошлого семестра Цзян Хуай уже получил публичное предупреждение перед всей школой: еще один выговор — и исключение. Новое полугодие только началось, и снова выговор?!

Он что, уже присмотрел себе следующую школу?

Чэнь Фэнцзэ еще не успел отправить фразу «Меня там не было, подробностей не знаю», как Бо Цзянь прислал новое сообщение.

Би-Джей: Где сейчас Цзян Хуай?

Малыш Чэнь: Думаю, в кабинете завуча по воспитательной работе.

Подумав немного, Чэнь Фэнцзэ добавил.

Малыш Чэнь: Это только догадка. Я Цзян Хуая не видел.

Но Бо Цзянь ничего не ответил.

Он не пошел ни в класс, ни к завучу по воспитательной работе.

Сейчас было час двадцать. Завуч по воспитательной работе обычно приходил около двух часов дня.

Цзян Хуай, Ни Ли и Сун Цзюнь как по сговору скрыли одно и то же происшествие. Бо Цзянь уже обрисовал в уме общие черты случившегося. Сейчас не имело смысла идти и расспрашивать Цзян Хуая. Раз уж Цзян Хуай молчал в прошлом семестре, когда ему выносили взыскание, он не станет ничего рассказывать и сейчас.

В Цзян Хуае присутствовала эта... головная боль в виде склонности к персональному героизму.

Судя по наказаниям, вынесенным школой, администрация абсолютно ничего не знала о тех событиях. Никто из троих ни словом не обмолвился о том, что попало на камеру четвертого июня, поэтому школа даже не пыталась проверить видеозаписи за тот день.

Однако школе было известно, что, считая случай с сорванными штанами, Сун Цзюнь отгребал от Цзян Хуая трижды. И вынося наказание, Цзян Хуай по умолчанию со всем согласился.

Сун Цзюнь побежал к учителям только после того, как его избили во второй раз.

Если не произошло ничего непредвиденного, то, что запечатлела камера четвертого июня, было первым разом.

В течение недели Сун Цзюнь получил по шее во второй раз. Но когда он пошел жаловаться учителю, он, вероятно, не уточнил дату первого раза — или же соврал насчет места, сказав, например, что это произошло за пределами школы.

Ни Ли, возможно, умоляла Цзян Хуая никому ничего не рассказывать, поэтому, когда Сун Цзюнь соврал, Цзян Хуай просто промолчал.

Но если Ни Ли решила молчать и не предавать огласке то, что случилось, для Цзян Хуая эта история должна была на том и закончиться.

Тогда не поддавалось объяснению, почему одиннадцатого числа Цзян Хуай снова избил Сун Цзюня — да еще и с особой жестокостью сдернул с него штаны и пнул в коридор, словно паршивую собаку.

Если только Сун Цзюнь не набрался такой наглости, что после двух жестоких трепок снова попытался сделать с Ни Ли то же самое.

Щелчок.

Бо Цзянь повернул ключ в замке комнаты активистов корпуса Сюэли и толкнул дверь.

Или же... Цзян Хуай узнал нечто такое, о чем раньше не догадывался. Что-то, о чем ему не говорила Ни Ли и уж тем более молчал Сун Цзюнь.

Но неожиданно один из них двоих открыл ему правду.

Если это была Ни Ли — это была просьба о помощи; если Сун Цзюнь — шантаж.

Бо Цзянь перенес скопированную видеозапись на свой ноутбук, стоявший в комнате активистов.

Он снова запустил фрагмент с 18:22 до 18:47.

Бо Цзянь подпер голову рукой.

В какой-то момент его палец кликнул по паузе.

Переключив на обычную скорость воспроизведения, он увидел: перед тем как войти в комнату активистов, Цзян Хуай простоял у двери почти двадцать секунд.

Многие детали, проскочившие на ускоренной перемотке, теперь проявились во всей красе.

Прежде чем остановиться, Цзян Хуай держал в левой руке телефон. Кажется, он бросил взгляд на экран, после чего прислонился к косяку и прождал с десятков секунд. Лишь затем убрал телефон в карман брюк.

И только после этого поднял ногу и со всей силы вышиб дверь.

Бо Цзянь не верил, что в эти десять с лишним секунд Цзян Хуай просто играл в телефон.

Раз Цзян Хуай сразу начал выбивать дверь, значит, с самого начала — услышал ли он что-то внутри или заметил, как кто-то пытался запереться — он заподозрил неладное.

Бо Цзянь попробовал представить себя на его месте.

Зачем бы он сам простоял у двери с телефоном в руках несколько секунд?

Запись звука.

Только ради диктофонной записи.

У Цзян Хуая на руках была аудиозапись.

Но он так и не предъявил ее.

Бо Цзянь слегка нахмурился, его указательный палец неторопливо постукивал по столешнице.

Аудиозапись — это не видео с коридорной камеры.

Видеозапись в коридоре — лишь косвенное доказательство: прямого попадания в кадр не было, всегда оставалась возможность выкрутиться и найдутся оправдания. А вот аудиозапись того, о чем говорилось внутри — это неопровержимая улика.

Даже если хотелось защитить неприкосновенность личной жизни жертвы, фрагменты с Ни Ли можно было легко вырезать.

И все же Цзян Хуай ее не выставил.

Бо Цзянь, разумеется, не думал, что Цзян Хуай и впрямь безответно увлечен Сун Цзюнем и потому проявил мягкосердечие.

Единственная причина: у Сун Цзюня имелся какой-то компромат, заставивший Цзян Хуая засунуть эту запись себе поглубже в горло.

И этот компромат в руках Сун Цзюня мог быть связан только с Ни Ли.